

граффити
граффити

К Светлана и Андрей
КЛИМОВЫ

МОЯ СУМАСШЕДШАЯ

Харьков
«Фолио»
2013

Часть первая

1

— Там!

Возница ткнул узловатым кнутовищем в ту сторону, где чернело двухэтажное здание. Седок спрыгнул на горбатый булыжник, а линейка загремела дальше и вскоре свернула за угол. Припозднившийся командировочный поднялся на крыльцо, над которым мутно тлела нить пятисвечевой лампочки, толкнул дверь и вошел.

Воздух внутри был затхлый — и он с тоской вспомнил вольный дух оставшихся позади ночных полей. Безмолвно стоящий, как брошенный храм, сосняк, зеленую полосу неба на позднем закате и скрип коростеля в мокром бурьяне. То, что любил.

В поезде пили водку с молодым, сутулым, в рваной свите. После первой спутник ненадолго вышел из угрюмой задумчивости, и тогда командировочный спросил о том, что составляло цель его поездки. Впрочем, без любопытства и настойчивости.

Районное начальство прогремело в столичной печати с инициативой: повсеместно по деревням возвести многосемейные дома-общежития. Для колхозных фаланстеров маститый столичный архитектор в две недели слепил про-

ект — засыпные бараки с плоскими кровлями, на двадцать семей каждый, с общей кухней, баней, столовой и площадкой для занятий физической культурой. С поголовной ликвидацией усадеб и мелких хозяйств по всей округе.

Обо всем этом приезжему предстояло написать очерк в «Вістях».

— Ну как тут, в ваших местах, строят эти... комдома? — поинтересовался он.

— Хрен они строят...

Ответ прозвучал глухо. Сутулый не отрывал взгляда от серого хлеба с салом на газетке, расстеленной на вагонной лавке. Кроме них, в вагоне было еще человек шесть, но те сгрудились в дальнем конце.

— А чего ж так? — удивился командировочный. — Я другое слышал.

— Так для кого строить-то? — костлявые плечи под свитой заходили, и попутчик, оглянувшись, потянулся к закуске. Черные щели ноздрей, заросшие проволочным волосом, хищно зашевелились. Он хотел добавить еще что-то, но тут паровоз отчаянно закричал, загромыхали цепи и буфера, и поезд стал тормозить, подтягиваясь к станции.

Водка начисто выветрилась уже на полпути к райцентру, который чугушка обошла далеко стороной.

В гостиничном вестибюле было темно, и приезжий постоял, привыкая. Наконец в дальнем углу закрихтела и заворчалась взлохмаченная тень. Тогда он спросил в темноту:

— Кто тут? Где у вас администрация?

Сообразив, что ночной гость не из простых, тень из угла захрипела в ответ и зашаркала в глубину помещения, на ходу повернув выключатель.

Лампочка, такая же, как при входе, предъявила обстановку: пяток канцелярских стульев вдоль стены, скомканное порыжевшее пальтецо, стол под пропыленным сукном с графином и чернильным прибором, понурый фикус в кадке, забитой окурками. Некрашенный пол давно не метен. Наверх вела лестница с неполным комплектом баясин в перилах, под ней — неосвещенный вход в коридор, где скрылся спавший на стульях. На стене над столом, как повсюду, — портрет, правее — выгоревший плакат с белозубой колхозницей в кумачовой косынке.

Командировочный придвинул стул, бросил на него пухлую командирскую сумку, которую повсюду таскал с собой, и расстегнул сильно потертую мотоциклетную кожанку. Под нею обнаружился серый свитер с высоким воротом. Серые же шевиотовые брюки ночного гостя были небрежно заправлены в высокие, явно заграничного происхождения, ботинки толстой коричневой кожи.

Спустя несколько минут из коридора под лестницей появилась дежурная — бойкая мешаночка лет сорока без малого. На ходу запахивая полы сатинового халата, стрельнула на приезжего наметанным глазом и, уже присаживаясь к столу, прикусила с угла бледную губу со следами морковного цвета помады.

— Ой, — продолжая игриво косить, проговорила она, — а я вас откуда-то знаю! Вы у нас уже останавливались?

— Нет, — ответил он, щелкая кнопками сумки. — Не приходилось. Вот мои командировочное и редакционное удостоверения. Отдельное помещение у вас, надеюсь, найдется?

— С этим у нас... — дежурная, продолжая строчить в книге учета, свободной рукой сделала неопределенный жест.

— Но все-таки? — настаивал мужчина.

— А где же ваш второй? — будто не слыша вопроса, удивилась женщина. — У вас командировочное на двоих оформлено!

Отведя глаза от небольшой, смуглой и крепкой руки приезжего, она быстро заглянула ему в лицо. Глаза у этого смутно знакомого ей откуда-то мужчины средних лет были как черные блестящие жуки, спрятанные глубоко под густыми бровями. Спокойный, из «симпатичных» — это она мгновенно определила, только белки налиты тяжелой краснотой, будто недосыпал неделю или больше. Имя ей ничего не сказал.

— Точно, — кивнул приезжий. — Юлианов утром подъедет. Партконференция.

— А вы, значит, Хорунжий Пэ Гэ будете?

— Буду, — усмехнувшись, подтвердил он, думая о том, что бумажка взята в редакции девятого, а в ночь на одиннадцатое за Павлом пришли. И хотя их квартиры располагались на одной площадке в писательском доме, дверь в дверь, никто не слышал, когда именно это случилось.

Хуже всего, что донос был написан рукой Тамары — его, Петра Хорунжего, жены. Это он знал достоверно, из первых рук. Павел был верным другом, самым давним. Единственным, а возможно, и последним, если не брать в расчет Сильвестра. Но Сильвестр слишком занят собой, смертельно напуган и одновременно дерзит властям. Полагаться на него в последнее время стало невозможно.

Тамара, конечно, донесла в бреду — из ревности, отчаяния, зависти, в ослеплении, бешено ненавдя. Она ревновала его ко всему: к работе, к новым и старым книгам, к литературной славе, к охоте, выпивке, ко всем без исключения

пишбарышням в редакциях и издательствах, к друзьям и их женам. Но к Павлу по-особому.

Болезнь? Но разве болезнь оправдывает предательство?

И с этим уже ничего нельзя было поделаться. Потому что он точно знал, чем для него закончится эта ночь в ста двадцати километрах от Харькова. Почему здесь? По крайней мере, никто не сопит в затылок. Не заглядывает в рукописи, не звонит. Не таскаются по пятам обнаглевшие опера из ведомства Баляя.

Остро захотелось курить. Хорунжий полез в карман, где лежала смятая коробочка одесских «Сальве», метнул папиросу в рот, прикусил мундштук, но закуривать не стал.

— Распишитесь, — сказала дежурная, пряча судорожный зевочек в кулаке.

Он наклонился над столом и поставил росчерк. От женщины душно-вато пахло ночным потом.

По лестнице, скрипевшей басом, они поднялись наверх. В дальнем отсеке неосвещенного коридора дежурная на ощупь отперла дверь, зажгла свет и со значением, пропуская Хорунжего вперед, заметила:

— Тут у нас почти что «люкс». На двоих номерок, в самый раз.

— Благодарю, — приезжий огляделся. — А кипяточку у вас не найдется?

— Можно и кипяточку, — женщина, медля, потерлась худыми лопатками о косяк, как приبلудная кошка. — Только подождать придется. Уборная, если что, — прямо по коридору. Располагайтесь пока.

Из мебели в «люксе» имелись две солдатских койки, шаткий венский стул, стол, накрытый бурой клеенкой, несколько жестяных тарелок на подоконнике, там же — пара стаканов

без подстаканников и забытая кем-то трехзубая вилка с костяным черенком. На столе валялись старые газеты. В чугунную раковину в углу капал кран, незанавешенное окно смотрело во двор. Под ущербной луной серебрилась кровля дровяного сарая. На отрывном календаре, прикрывавшем дыру в фанерной перегородке, стояло первое мая — красное число. Мускулистый пролетарий рвал бутафорские цепи, а сегодня двенадцатое, может, уже и тринадцатое.

Календарь был вроде тех, что появились несколько лет назад, когда в неделе было пять дней, а каждый день в году имел собственный порядковый номер. Номер этот до сих пор жирно печатали сверху листка, хотя неделя опять стала семидневной. Сегодня, следовательно, сто сорок третий день шестнадцатого года пролетарской революции. Иначе говоря — тысяча девятьсот тридцать третьего. Под календарем — клопინые гнезда, как в любой из сотни райкомовских гостиниц, где ему приходилось ночевать.

Он откинул одеяло на койке. Простыня оказалась серой, волглой, но относительно чистой. Когда дежурная принесла латунный чайник, Хорунжий, поблагодарив, заметил:

— Сыро у вас тут. Как на болоте живете.

Женщина молча пожала плечами и принялась разглядывать заклепки на ботинках приезжего. Больше он к ней не обращался, словно перестал замечать, — раскладывал вещи, извлеченные из командирской сумки. Чистый блокнот, диковинную плоскую флягу с хромированным стаканчиком, непечатую коробку папирос, плитку прессованного чая в фольге, охотничий нож.

Наконец дежурная ушла, и едва ее шаги смолкли, приезжий вынул ключ, оставшийся в скважине снаружи, и запер дверь «люкса». После чего опустился на стул, без спешки

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	135
Часть третья	267
P. S.	357
P. P. S.	378